

ИДЕЯ МЕТЕМПСИХОЗА В РОМАННОМ ЦИКЛЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО "МОСКВА"

© А.С.Афанасьев

В данной статье рассматривается идея метемпсихоза как составляющая концепции личности в романном цикле Андрея Белого "Москва".

Ключевые слова: Андрей Белый, концепция личности, роман "Москва", Иван Коробкин, идея метемпсихоза.

Одной из проблем, волновавших Андрея Белого на всех стадиях идейного и художественного развития, являлась проблема личности. Процесс концептуализации личности начинается автором-символистом в повести "Возврат" (1905) и завершается в романном цикле "Москва" (1926-1932). Данный "итоговый вариант" концепции личности А.Белого, в отличие от "ранних", осложнен антропософским влиянием Р. Штайнера, но при этом сохраняет все основные черты ранее выстроенных вариантов.

Так, уже в середине 1910-х годов А.Белый, опираясь на антропософский опыт, говорит о том, что человек состоит из большого количества сущностей ("личин", "масок"), то есть сам "индивид" предстает как коллективное образование. Поэтому основную задачу, стоящую перед личностью, автор-символист видит в осуществлении гармоничного бытия этих "личин", в образовании из них Целого. По мысли А.Белого, "индивид" должен осознать себя как коллектив "личностей", сделать свое "Я" "режиссером" этого "хора" "личностей", затем вобрать в себя опыт коллективного "Я", преобразиться им. Только после этого "индивид" может претвориться в "индивид-коллектив".

Идея осознания "индивидом" себя как коллектива "личностей" и руководство ими, с одной стороны, и пропускания сквозь себя опыта коллективного "Я", с другой стороны, находит разное художественное воплощение в итоговом романном цикле А.Белого. Одним из способов ее репрезентации становится идея метемпсихоза.

Метемпсихоз (или метемпсихоза) – религиозно-мифологическое учение о переселении душ умерших в тела других людей, животных, растений, минералов и т.д. Наиболее подробно данное учение было разработано в религии и культуре Древней Индии. А.Белый воспринял идею метемпсихоза через призму антропософии. Реинкарнация и карма – краеугольные понятия философских построений Р.Штайнера. По мысли философа, человек – существо бессмертное. Точ-

нее, вечна его душа, поскольку "Я" человека, "проводящее работу" и над телом, и над душой, связывает воедино все предыдущие и последующие человеческие ипостаси. В своем знаменитом труде "Теософия" Р.Штайнер писал: "Физическое тело подлежит законам наследственности. Человеческий же дух должен все вновь и вновь воплощаться, и его закон в том, что он переносит плоды прежних жизней в последующие. Душа живет в настоящем. Но эта жизнь в настоящем не независима от предыдущих жизней. Ведь воплощающийся дух несет с собою свою судьбу из своих прежних воплощений. И эта судьба определяет жизнь. Какие впечатления сможет иметь душа, какие желания смогут быть удовлетворены, какие радости и печали выпадут на ее долю, с какими людьми она встретится – все это зависит от того, каковы были ее действия в предыдущих воплощениях духа. Людей, с которыми душа была связана в одной жизни, она должна будет снова найти в одной из последующих, потому что произошедшие между ними действия должны иметь свои последствия" [1].

Наиболее отчетливо проблема перерождения души, возможности последующего воплощения была проиллюстрирована А.Белым в стихотворном цикле "Карма", вошедшем в поэтический сборник "Звезда" (1922). В данном цикле, состоящем из пяти стихотворений, изображаются раздумья лирического героя относительно своего существования в контексте идеи реинкарнации. В начале стихотворного цикла лирический герой декларативно говорит о своей вере в переселение души: "Мы были – сумеречной мглой,/ Мы будем – пламенные духи./ Миров испепеленный слой/ Живет в моем проросшем слухе" [2: 386]. Данные мысли вызывают у него ужас и страх, и именно поэтому в третьем и четвертом стихотворениях цикла появляется образ "злой, лающей Парки" – богини Судьбы, наводящей на лирического героя "морок". В последнем стихотворении, состоящем всего из четырех строк, происходит приятие лирическим героем своей судьбы

и понимание смысла своего существования: "Приемлю молча жребий свой, / Поняв душою безглагольной / И моря рокот роковой, / И жизни подвиг подневольный" [2: 387].

Однако в большей степени А.Белому была близка мысль о взаимосвязи различных ипостасей человека, его "душ"¹. По мысли автора-символиста, эти души являются составными частями индивидуума, его "личинами". "Я" человека для создания "индивида-коллектива" должно соединить не только все существующие на данный момент "маски", но и когда-то существовавшие (отсюда такой значимой категорией является для Андрея Белого прапамять), и будущие воплощения.

В романном цикле "Москва" претворение "индивида" в "индивид-коллектив" совершает профессор Иван Иванович Коробкин, поэтому именно в отношении этого героя Андрей Белый актуализирует идею метемпсихоза. На пробуждение в Иване Коробкине "самосознающего "Я"" повлияла смерть любимого пса профессора – Томочки. Именно после смерти своего питомца профессор Коробкин понял, что "аппараты сознания" начали разрушаться и что наступят "новые времена". Иван Коробкин – математик-рационалист – увидел: рациональная ясность "разъелась": "Из-под Аристотеля Ясного встал Гераклит Претемнейший" [4: 160].

Профессор впервые задумался о том, в какой степени его социальная маска определяет его человеческое, бытийное существование. Герой осознал себя как "индивида", состоящего из ряда "личностей", что он сам – лишь очередное звено в цепочке превращений: одна его "личина" – Томочка-песик – физически существовать перестала, однако она стала "отправной точкой" для рождения нового "индивида", включающего в себя и "душу" самого Тома, и "душу" Коробкина. Присущая до смерти пса в профессоре Коробкине "рациональная ясность" не могла допустить подобную концепцию человеческого существования. Процесс снятия социальной маски начинается в профессоре Коробкине после "устранения" физического тела Томочки: "Говоря откровенно, – профессор Коробкин жил в двух измерениях доселе – не в трех: и не "Я" его, жившее в "эн" измерениях, а Томочка-песик, в нем жив-

ший; но Томочка-песик – покойник: он – рухнул; и в яме лежит: "Я" ж кометою ринулось в темя из "эн" измерений, им кокнуть, как кокал Никита Васильевич яйца – за завтраком; так вот из "эн" теневых измерений и двух подстановочных (как на подносике, – расположились на плоскости мы) начинало вывариваться из большой знаменитости и из добрейшего пса – человек" [4: 160].

Несмотря на то что Томочка-песик умирает в середине первого романа "Московский чудак", образ любимой собаки Коробкина появляется и во всех последующих романах цикла. При этом соотносительность образа Коробкина со своим псом можно увидеть на физиологическом и на символическом уровнях. Так, схожесть профессора Коробкина и Томочки-песика декларативно заявляется во внешних характеристиках персонажей. Яркой иллюстрацией подобного сходства служит эпизод прихода Киерко в дом Коробкина: "Увидевши Томочку, носом открывшего дверь, поприсел: щелкнул пальцами <Киерко – А.А.>: – А, собачевина, "Canis domesticus", – здравствуй; пословица есть, – обернулся он с корточек, – "любишь меня, полюби и собаку мою: собачевина, лапу!" Схватив Томку за ухо, ухо на нос натянул – на соленый, на мокрый, на песий: – Породистый пойнтер; а шишка-то, шишка-то: мой собратан, – улыбнулся он вкривь на профессора, очень довольного ярким вниманием к псу, – "я – животное тоже, но я – совершенствуюсь; ты пока – нет". И "поймал": выражение сходства профессора с псом – в очертании носа и челюсти" [4: 42]. Здесь глазами Киерко показано тождество черт лица Коробкина и морды Тома.

Следует также обратить внимание на высказывание Киерко, в котором он сравнивает себя с собакой Коробкина: "Я – животное тоже, но я – совершенствуюсь; ты пока – нет". Киерко-рационалист ставит свою личность выше собаки, однако, по мнению Коробкина (и самого А.Белого), подобное положение недопустимо: и человек, и животное, и растение находятся друг с другом в неразрывной связи. Вкладывая в уста героя такое суждение, писатель подчеркивает в нем невозможность гармонизации своих "личин" в Целое индивидуума, а миражность образа позволяет Киерко в "Масках" превратиться в Тителева, агента советской разведки.

Кроме того, профессор Коробкин после смерти своего пса начинает воспроизводить поведенческие модели Томочки. Особенно частотны подобные модели поведения в конце романа "Маски", когда "индивид" профессора становится "индивидом-коллективом": "А профессор, как пес, защищающий дом – на него: хрипло взлаял" [4: 469]; "Голова его, вовсе не нашей планетной

¹ По точному замечанию С.Н.Бройтмана, рассмотренного первое стихотворение цикла в контексте русской поэтической традиции, "карма – это не судьба, как иногда неточно говорят, а *одержимость бытием*, та сила, которая связывает человека, удерживает его внутри бытия и не дает возможности занять ответственную позицию вне его" <курсив автора – А.А.> [3: 228].

системы, кусалась, как пес" [4: 629]; "Надуваясь усами, зашлепнулся в кресло профессор, как пес, у которого отняли тетерева; он дрожал бородой и рукой, не вникая старушке и все порываясь, косясь на дверь, – доконать, доказать" [4: 638]; "Профессор, как пес, с угрожающим грохом за ним вытопатывает" [4: 650]; "Профессор, ногою о ногу тарахнув и рывкнув, из шубы пропяченным носом ходил под носами, как пес" [4: 727]; "Озирается, как провинившийся пес, – на малютку, которая лишь заглянула" [4: 752]; "Кучечку томиков вынес, насыпал на кресло, с надутым и выбухающим лбом перед креслом на корточки сел и расшлепывал томики, нос прижимая к страницам, исписанным формулкой, формулки втягивал носом, как пес, выдыхал их страдальчески: – Нет-с!" [4: 620]. В последнем эпизоде соотнесенность профессора со своим псом реализуется не только через сравнительную конструкцию, но и с помощью приема омонимии: книжный "том" явно отсылает к кличке пса Коробкина.

Также профессор Коробкин связан со своим псом Томом и с помощью символических деталей. Такой деталью в романном цикле становится, например, тряпка. В романе "Московский чудак" Томочка приносит в дом Коробкиных с улицы старую тряпку: "Запах тяжелый распространился в квартирочке; слышались крики: "фу-фу". И разгневанно там Василиса Сергеевна в платье мышевьем (переделась к обеду) отыскивала источник заразы; ругалась над Томкой; профессор вскочил и стремительным мячиком выкатился, услышав, что источник заразы – отыскан, что Томочка, песик, принес со двора провонялую тряпку и ел в уголке ее; отнимали вонючую тряпку; а пес накрывал своей лапой ее, поворачиваясь, привздергивая слюнявую щеку" [4: 40]. В следующем же романе именно тряпка станет кляпом во время пытки Коробкина Эдуардом Эдуардовичем Мандро. Сосед профессора Вишняков, найдя под окном, запечатлел следующую картину: "Ему показалось, что видит он дичь: точно баба набредила; кто-то, по росту – профессор, по виду ж – растерзанный, дико косматый, ногами обоими сразу в халате подпрыгивал, странно мотая космою; он руки держал за спиною, локтями себе помогая, как будто плясал трепака; рот ужасно оскаленный, будто у пса, кусал тряпку; зубищами в тряпку вцепился, и с нею выпрыгивал он – ерзачком, ерзачком; и пырял головою в пространство, как вепрь беловежский" [4: 345]. В данном фрагменте профессор соотносится с Томом не только через символическую деталь, но и посредством открытого сравнения поведения Коробкина с поведением пса.

Еще одной значимой деталью, объединяющей два образа, является "окровавленный взгляд". В самом начале романного цикла с "окровавленным взглядом" предстает Том: "Том вскочил: очень горько скосив окровавленный взгляд, поджав хвост, пробирался вдоль желто-зеленой стены" [4: 22]. В финале "Москвы под ударом" с кровавым взглядом появляется сам профессор Коробкин: "У профессора вспыхнул затоп ярко-красного света, в котором увиделся контур – разъятие черное (пламя свечное); и – жог, кол и влип охватили зрачок, громко лопнувший; чувствовалось разрывание мозга; на щечный опух стеклянистая вылилась жидкость" [4: 355].

Примечательно, что в отношении профессора Коробкина и тряпка, и окровавленный глаз актуализируется А.Белым именно в момент пытки профессора. С одной стороны, подобная соотнесенность указывает на угрожающее жизни Коробкина событие, на возможность смерти (поскольку к этому времени Том умер), с другой стороны, помещая героя в пограничную ситуацию, "цементирует" представление автора-символиста о метемпсихозе как об одном из возможных "способов" совершенствования личности.

Наконец, нужно отметить тот факт, что профессор Коробкин сам высказывает идею метемпсихоза. В тексте "Москвы" встречаются два фрагмента, где проговаривается данная идея. "Доверяя" Ивану Коробкину произнести мысль о метемпсихозе, А.Белый показывает собственное отношение к нему. Для автора-символиста именно Коробкин наиболее адекватно воплощает концепцию личности: только человек, осознавший себя как множественность, способен понять необходимость гармонизации всех составляющих для своего превращения из "индивида" в "индивид-коллектив".

Первое высказывание является своеобразным "некрологом" любимого пса: "С раздувшимся брюхом, с отшибленной лапой Томочку-песика раз принесли: раздавила пролетка; сложили, смочили свинцовой примочкою, перевязали огромными тряпками: он, перевязанный, молча дрожал, закосясь окровавленным взглядом: профессор весь вечер над ним просидел на карачках: – Что, брат, – тебе трудно? <...> А ночью бродил <Коробкин – А.А.> по ковру: утром пес приказал долго жить: очень плакала Наденька. И вечером всем он доказывал: – Индусы, в корне взять, верят, что души животных опять воплощаются: в нас; да-с – по их представлениям, пес, говоря рационально, опять воплотится. – Э, э, – брехунцы, – поспипел своей трубочкой Киерко. Наденька ве-

рила: – Может быть, песик вернется к нам: мальчиком" [4: 80].

Последнюю фразу в этом полилоге произносит Наденька – дочка профессора, самый любимый для Коробкина член семьи. Известие о ее смерти от чахотки профессор получает, находясь уже в сумасшедшем доме. Иван Коробкин очень сильно переживает смерть своей дочери и часто вспоминает ее образ и фразы, когда-то ей произнесенные. Поэтому Иван Коробкин воспринимает неожиданно появившегося брата Никанора как вновь воплотившегося Томочку: "Брат произвел революцию в брате; с приездом его поправленье заметили все; не рысцой, а галопом профессор помчался к осмысленной жизни по дням. Аналогия вынырнула: – Права Наденька-с, – что ни скажи: песик Томочка стал человеком. – Как? – Бегает? – Где? – Здесь? Кто? Как? Никанор? – Впрочем, – видя испуг Серафимы Сергеевны, – я – пошутил-с! Аналогия эта исчезла" [4: 478].

Конечное обращение своего высказывания в шутку, с одной стороны, направлено на успокоение сестры Серафимы, с другой стороны, на "сокрытие до сроков" им полученного знания о возможности метемпсихоза.

Помимо "некролога" профессора Коробкина идея метемпсихоза присутствует и в его стихотворном экспромте, опять-таки посвященном Тому: "Истины двойкой -/ Корень есть во всем:/

Этот – стал собакой,/ Тот живет котом./ Всякая собака -/Лает на луну;/ Знаки Зодиака/ Строят нам судьбу./ Верная собака,/ В зубы на-ка, Том,/ Эту кость... Однако, -/ Не дерись с котом!" [4: 40]. Это стихотворение нужно воспринимать как ключ к образу Ивана Коробкина. В первой строфе автором проговаривается идея метемпсихоза и отмечается относительность человеческого существования ("истина двойкая"), а во второй строфе обнаруживается астральная символика, которая также воплощает указанный принцип ("знаки зодиака").

Таким образом, идея метемпсихоза в "Москве" становится одним из основных способов художественной реализации концепции личности, выстроенной А.Белым.

1. *Штайнер Р.* Теософия // URL: <http://lib.ru/URIKOVA/STEINER/stein2.txt> (дата обращения 13.03.2010).
2. *Белый А.* Полн. собр. стихотворений: в 2 т. – СПб, М.: Академич. проект, Прогресс-Плеяда, 2006. – Т.1 – 640 с.
3. *Бройтман С.Н.* Стихотворение А.Белого "Мне грустно... Подожди... Рояль" и русская поэтическая традиция (к вопросу о "неклассическом" типе художественной целостности) // Андрей Белый. Публикации. Исследования. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – С.228-234.
4. *Белый А.* Москва. – М.: Сов. Рос., 1989. – 768 с.

THE IDEA OF METEMPSYCHOSIS IN THE NOVEL *MOSCOW* BY ANDREY BELY

A.S.Afanasyev

In this article we speculate on the idea of metempsychosis as a component of conception of personality in the novel *Moscow* by Andrey Bely. The image of Ivan Korobkin is indicated as an "ideal" personality.

Key words: Andrey Bely, conception of personality, novel *Moscow*, Ivan Korobkin, idea of metempsychosis.

Афанасьев Антон Сергеевич – ассистент кафедры русской литературы и методики преподавания Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета.

E-mail: a.s.afanasyev@mail.ru

Поступила в редакцию 17.05.2011